

МЕТОД СЕМЕНОВОЙ

Она приезжала на работу на такси. Трудно было себе представить, что когда-то она ездила на общественном транспорте: даже те 20 метров, которые ей нужно было пройти до дверей института, преодолев порожек такси, небольшой подъем и две ступеньки, занимали довольно много времени. Затем следовали еще 12 ступенек, уже внутри института, но перед ними она обычно отдыхала. Или же она преодолевала и их и отдыхала, оказавшись в холле института, где была раздевалка и сидел вахтер.

Правда, обычно она проделывала этот путь не одна. Кто-нибудь из сотрудников, спешивших на работу, приходил ей на помощь уже на том этапе, когда она вылезала из такси. Если сотруднику случалось немного опаздывать, то помощь эта служила ему прекрасным алиби, и на недовольное замечание кого-нибудь из институтского начальства он мог достойно ответить: «Я помогал добраться Марии Капитоновне».

Так поступали не все. Иной сотрудник, даже и опаздывающий, завидев перед институтом такси и ее рядом с шофером (а она обычно долго мешкала, доставая деньги, пряча их, собирая свои пожитки, прежде чем открывала дверь машины), спешил прошмыгнуть мимо и предпочитал нагонять канители с девяностолетней старухой.

Впрочем, сама она, как правило, не опаздывала, и если это случалось, то только по вине такси. Она была очень пунктуальный человек и на всю жизнь запомнила, как однажды бывший директор института, близкий ее приятель — человек требовательный и жесткий

— сказал на собрании, что теперь за опоздание будут отдавать под суд и что сегодня на работу опоздали (он назвал несколько фамилий) — «... и Семенова». Без имени отчества, без снисхождения «Семенова». Правда, это было году, наверное... то есть тому назад лет..., и нынешний директор, которому она когда-то на аспирантских экзаменах по морфологии мозга поставила двойку, едва ли так бы ей сказал, но все равно — опаздывать она не любила.

Сотрудник помогавший ей добраться до раздевалки, обычно сопровождал ее до лифта, но по коридору до двери своего кабинета она уже шла одна. «Спасибо, зесь я уже дома»,— говорила она, когда двери лифта открывались на пятом этаже и провожатый, довольный собой, облегченно вздохнув, шел к себе. Но каково ему было, если, доведя старуху до лифта, он видел табличку «Лифт не работает»... Да, здесь все было уже на много сложнее. Оставить ее одну было не удобно хотя она и уговаривала, что потихоньку дойдет сама, вот и приходилось, отдыхая на каждо й площадке совершать это восхождение. И не только совершать, но и делать вид, что тебе это нисколько не обременительно, а даже приятно А она как будто и не тяготилась подъемом. Попытавшись отказаться, а затем приняв помощь, она опиралась одной рукой на руку провожатого, другой придерживалась за лестничные перила и медленно поднималась, в промежутках, во время отдыха, беседуя с сотрудником, если тот был ей знаком. Здесь, внутри института, она уже не спешила, и шествие это напоминало мирную прогулку бабушки, одетой во все черное, и внука (или внучки), почтительно ее поддерживающего. Она не замечала, что внучек делает выразительные мины, как бы моля о

помощи сотрудников, которые обгоняют их или бегут навстречу, и ждет с нетерпением, когда же покажется спасительный коридор пятого этажа.

Дойдя до своего кабинета, она открывала дверь и какое-то время стояла на пороге, как бы собираясь с силами, прежде чем завершить последний этап. Затем входила в кабинет закрывала дверь, садилась в кресло, переобувалась, просматривала содержимое сумки, опасаясь не вытряхнула ли что-нибудь, выходя из такси, снова немного отдыхала и после этого начинала готовиться к работе. Вынимала из ящика стола шибр — фанерную доску с ячейками в которых лежали препараты: прямоугольные стеклышки с наклееными на них тонкими срезами мозга разных животных, пододвигала микроскоп, отыскивала нужный препарат, устанавливала его под объективом, пододвигала кресло поближе к столу, склонялась над микроскопом и... засыпала.

Спала она, впрочем, недолго, и сон этот был лишь занавесом, отделявшим первый акт, который можно было бы назвать «Приход на работу», от главного действия, ради которого она и преодолевала утреннюю свою немощь, ради которого спешила, тратилась на такси, о котором думала в бессонные ночные часы, действия, которое помогало ей жить на свете... хотя света этого становилось все меньше и меньше.

Она склонялась над микроскопом и начинала крутить винт, приближая и отодвигая объектив от препарата. Микроскоп был бинокулярный, позволяющий смотреть одновременно обоими глазами, и она хорошо помнила, какая прекрасная картина открывалась когда-то ее взору: фиолетовые фигурки нервных клеток,

трепетные и изящные, застывшие подобно танцовщицам в различных позах, образовывали причудливые узоры, то выстраиваясь в ряды, то собираясь в группы, то рассыпаясь по всему полю зрения; вон там большая клетка собрала вокруг себя мелюзгу, будто что-то повествуя ей; вон две малышки гоняются друг за другом; а вот все расступились вокруг магистрали, по которой движется что-то невидимое человеческому глазу. И все это уходит вглубь, мерцает, подобно фиолетовым созвездиям на залитом солнцем сказочном небосводе.

Этот способ окраски нервных клеток придумал Ниссль. Метод Ниссля дал возможность разглядеть форму и очертания маленьких существ, населяющих подземелье мозга.

И в то же время картина, нарисованная с помощью этого метода, была лишь первым впечатлением, она была подобна полотнам импрессионистов, не заботившихся о деталях, не прорисовывавших подробности: фигурки лишь тянулись друг к другу, создавая ощущение ускользающей незавершенности. Другие планы угадывались за этим застывшим на мгновение цветным беззаботным хороводом: сплетение корней, сплетение ветвей, сплетение невидимых волокон, неизбежно предопределяющих позы и расположение фигурок; волокон, ниспадающих, пронизывающих, притягивающих и непреодолимо отделяющих одни группы фигурок от других.

Тайна этих волокон завладела ее воображением. Это были двадцатые годы, она работала тогда в Берлине и была не сторбленной, как теперь, старухой, при виде которой сын одной из сотрудниц института, пришедший на детскую новогоднюю елку, закричал: «Баба

Яга!» и в ужасе бросился наутек, а статной, худощавой дамой, державшейся всегда очень прямо, с отброшенной назад копной светлых волос, высоким лбом, небольшими серыми глазами, холодноватыми и пристальными, не располагающими к сердечной беседе и душевным излияниям. Она и не любила все это, в те годы, по крайней мере. Это уже потом, спустя много лет, когда великий карикатурист — время — вытянул ее всегда несколько выступавший подбородок, непропорционально увеличил тонкий с горбинкой нос, вдавил глазницы, сделал глаза не пристальными и внимательными, а мигающими и слезящимися, сморщил лоб, скрючил ее - тогда уже она помягчала и стала не прочь, зайдя в комнату, где сидели сотрудники, поболтать о том, у кого какие дети и кто с кем крутит роман. У нее самой никогда не было никаких романов, или по крайней мере никто про это не знал. Ходили слухи о том, что был жених, который то ли погиб в первую мировую войну, то ли утонул, и после этого она оделась во все черное и так ходила до сих пор — толком никто ничего не знал. Сама она рассказывать про себя не любила, хотя, повторяю, сделавшись старой, а потом очень старой, стала более словоохотливой, подобрела, и этот малыш, крикнувший «Баба Яга!», конечно же, был не прав, поддавшись внешнему обманчивому впечатлению, как это часто бывает со всеми нами, грешными.

Но тогда — в Берлине — это была совсем другая женщина. Лишней минуты не тратила она на пустые разговоры, отдаваясь целиком изучению структуры мозга. Именно в эти годы и был создан метод окраски нервных волокон, принесший ей славу и известный с тех пор во всем мире как метод Семеновой. «Окраска волокон

проводилась по Семеновой» — были годы, когда почти ни одна научная статья по морфологии мозга не обходилась без этой ссылки. То и дело на научных конференциях можно было слышать: «А какими методами красили?» «Какими методами. Клетки — по Нисслию, а волокна — по Семеновой, иногда по Шпильмейеру». Научная молодежь, демонстрирующая на конференциях слайды, снятые с препаратов мозга разных животных, порой и не подозревала, что эта сидящая в первом ряду старушенция, задающая иногда совершенно наивные, на первый взгляд, но вполне разумные, если вдуматься, вопросы, и есть та самая Семенова, методом которой они пользовались, не вникая в то, когда и как этот метод был создан, и считая, что создан он был в те давние времена, когда создавалось все, что стало обиходом сегодняшней науки: законы Ньютона, теоремы Пифагора, классификация растений по Линнею, окраска волокон по Семеновой. Она сама так привыкла к этому сочетанию слов, что почти не отождествляла его с собой. Да и в самом деле, все это было уже так давно: Берлин, двадцатые годы... столько воды утекло с тех пор. Упоминание ее имени радовало и волновало ее только вначале, да и то недолго — тщеславной она никогда не была. Проблема состояла в другом: метод был несовершенен — он окрашивал далеко не все волокна; картина, нарисованная с его помощью, была фрагментарна; он не давал возможности для количественного подхода — ни измерить, ни подсчитать, а без этого нет настоящего знания.

Тогда в Берлине, она не успела закончить работу, срок ее пребывания там истек, а потом, когда вернулась в Москву, стало уже не до того. Это были уже тридцатые годы, и много здесь было

всякого, была большая педагогическая работа, надо было создавать советскую морфологическую школу, читать лекции, вести разного рода занятия, а потом — война — стало уж совсем не до усовершенствования метода: она участвовала в нейрохирургических операциях, лечила раненых, и были лишь редкие минуты, когда мысль и воображение ее невольно тянулись к розовым и фиолетовым цветам, разбросанным на светлом поле, в котором ей удалось когда-то обнаружить еле заметные тропинки. Минуты эти выпадали обычно тогда, когда по вою сирены все сотрудники института быстро спускались в бомбоубежище и она оставалась одна. В наступившей тишине, сотрясаемой иногда взрывами бомб и грохотом снарядов, время расступалось, и в кабинет к ней входили разные люди, среди которых часто бывал и живущий в Америке профессор Генрих Линц, увлекший ее когда-то своими лекциями по морфологии мозга. Сама она никогда не ходила в бомбоубежище: не потому, что она хотела погибнуть или была как-то особо храбра, а просто ей казалось, что вся эта кутерьма не имеет к ней прямого отношения.

Когда война закончилась, ее назначили заведующей большой лабораторией: снова надо было кого-то учить, кем-то руководить. К административной работе у нее никогда не было ни охоты, ни способностей, но привычка все делать добросовестно заставляла ее тщательно прочитывать все планы и отчеты своих многочисленных сотрудников, самой составлять планы лаборатории на пять, на десять, на пятнадцать лет вперед; проводить собрания, сидеть на бесчисленных заседаниях: то кого-то превозносить, то кого-то осуждать... Ее сделали членом многочисленных ученых советов,

ввели в редколлегии многих журналов, произвели в почетные члены многих иностранных научных обществ: у нее был вес, у нее было имя, одного лишь у нее не было — времени.

И только когда она вышла на пенсию и вся та масса ночных, неотложных, исключительно важных дел, которые требовали ее и только ее личного участия, ее компетентного мнения, зависели от ее решения, вся эта масса как-то автоматически полетела дальше без нее, минуя ее, почти ее не задевая, когда вдруг смолк не прекращавшийся ранее стук в дверь ее кабинета сотрудников, которым все время хотелось о чем-то с ней посоветоваться,— только тогда появился у нее длительный, слишком длительный, подозрительно слишком длительный досуг, в который, уже не стучась, вошел и уселся напротив нее вопрос: а почему же, собственно говоря, уже так давно оставила она то главное дело, под которое природа выделила ей частицу своего золотого фонда творческого дара, почему позволила она себе разменять этот фонд на бумажные ассигнации сомнительной ценности, где же разгадка хода волокон, пронизывающих, оплетающих, связывающих нервные клетки, где же, черт возьми, он этот «метод Семеновой»?

Увы, время, которого ей многие годы не хватало, которое принесло ей почести и уважение, вместе с тем и обокрало ее: левый глаз не видел ничего, в этом она уже окончательно убедилась, но правый все-таки кое-что еще различал. На обоих глазах были катаракты, которые можно оперировать, лишь когда они созреют. «Мои катаракты все еще слишком молоды, — жаловалась она после очередного визита к главному врачу,— а мне бы еще так хотелось взглянуть как следует на

белый свет прежде, чем мне воссияет *lux perpetuum*.»

Она крутила винт микроскопа, стараясь как можно лучше сфокусировать очертания узкой ленты, протянутой через все поле зрения: так видится из окна самолета какая-нибудь магистраль, разделяющая микроскопических размеров предметы: крыши домов, деревья, коровы, люди. Она вглядывалась пристальнее, и ей казалось, что она начинает различать отдельные нити, из которых сплетена эта лента,— еще, еще усилие... Но нет, все расплывается, становится серым, бесформенным, облако закрывает землю, уже ничего не видно и хочется прикрыть глаза и откинуться на спинку сиденья.

Неделю назад она просила лаборантку увеличить на пять минут длительность фиксации и немного изменить соотношение компонентов красителя. Может быть то, что ей сейчас удалось разглядеть, и есть как раз результат этой модификации. А может быть, ей только показалось, что она различает отдельные волокна. Да и сделала ли лаборантка то, что она ей сказала? Ее что-то вообще не видно последние дни. Да, да, конечно, у нее ведь заболел ребенок. Стало быть, она ничего не сделала... но, может быть, она кому-нибудь перепоручила... хорошо бы узнать. Но для этого надо встать, выйти из кабинета, пройти в другой конец коридора.

Она уже совсем собралась подняться, когда в дверь постучали, и на пороге появился ученый секретарь института — Виктор Николаевич Тимофеев.

Виктор Николаевич работал в институте сравнительно недавно, и поэтому она не очень хорошо представляла себе его внешность; узнавала она его скорее по голосу и по запаху сигарет, которые он

всегда курил. Тем не менее она чувствовала к нему явное расположение она вообще питала слабость к воспитанным молодым людям, тогда как женщин, честно говоря, недолюбливала. Виктор Николаевич же был такой внимательный, такой аккуратный; ей доставляло особое удовольствие, когда он сопровождал ее от такси до лаборатории; он охотно о себе рассказывал, и это ей было приятно: она знала что у него есть свой автомобиль, у которого задние колеса совсем «лысые», а передние не совсем — или наоборот. Она знала также, что у него есть пятилетняя дочка и что с женой он живет не очень хорошо, поэтому он так много и курит...

— Мария Капитоновна, извините, я вас отрываю от дела, я хочу вам напомнить, что в два часа будет научная конференция. Игорь Петрович просил вас специально передать, что было бы очень хорошо, если бы вы пришли.

Она ничего не отвечала, и Виктор Николаевич не был уверен, расслышала ли она. Он собирался повторить еще раз, но в это время она повернула к нему немного склоненную набок птичью голову, покачала ею и сказала: «Да, да, я приду». Казалось, что она хочет сказать что-то еще, и Виктор Николаевич медлил в дверях, но она не говорила ничего, то ли собираясь с мыслями, то ли уже забыв про него. Он даже не был уверен, видит ли она его. И потому, сказав громко «Ждем вас», закрыл за собой дверь.

Ну вот, времени опять не хватало. Только что она начала входить в работу, как уже — конференция. И Игорь Петрович специально просил прийти. Да она и так никогда не пропускала научные конференции. А потом ее еще пригласили на переаттестацию

аспирантов... Только это, кажется, не сегодня... А там уже и конец рабочего дня. Дирекция просит не задерживаться — экономия электроэнергии. Да и к концу дня как-то уже устаешь...

Она оперлась на ручки кресла и встала. Надо было идти. Пока спустишься... Хорошо бы увидеть в коридоре лаборантку и спросить, увеличила ли она время фиксации... Да, ведь у нее заболел ребенок, надо бы ей позвонить... Болезненный мальчик...

* * *

Директор института Игорь Петрович Свидерский принимал в это время корреспондента газеты «Труд». Они поговорили уже о многих проблемах, над которыми работал институт: использование резервных возможностей мозга, молекулярные механизмы памяти, долголетие, предупреждение инсультов и т. д., и Игорь Петрович уже неоднократно украдкой поглядывал на часы, чувствуя, что визит затянулся и ему уже вряд ли удастся сделать все то, что было намечено на этот день. Время, будь оно проклято! Всегда его не хватает: в два часа начинается конференция, а он рассчитывал заехать на минутку в академию и позвонить Николаю Васильевичу, причем разговор может затянуться. А сразу же после конференции или даже, может быть, не дожидаясь ее конца надо ехать на заседание в райком. Собрать свою лабораторию и устроить сотрудникам нагоняй за то, что они разболтались последнее время, это уже наверняка не успеть. Но с Николаем Васильевичем надо поговорить обязательно и без спешки.

А этот молодой человек, хотя и вполне симпатичный, расселся так,

как будто других дел, кроме разговора с ним, у директора нет... Впрочем, не такой уж он молодой... Сколько ему? Лет тридцать пять, наверное... Костюм как хорошо сидит...

— Что вы говорите? Да, конечно, кора головного мозга играет здесь решающую роль.

Молодой (а может быть, и не такой молодой) человек в хорошо сидящем костюме отхлебнул кофе из чашечки, которую держал в руке, поставил ее на блюдце и на вопросительное движение директора — хотите ли еще? категорически замотал головой, отодвинул от себя чашечку и сделал жест, обозначающий, что он вполне удовлетворен и кофе, и печеньем, и вообще всем оказанным ему приемом.

— Игорь Петрович, я понимаю, что злоупотребляю вашим терпением. Еще один, последний вопрос, и я ухожу. Если, конечно, позволите?

— Ради бога.

— Я хотел спросить у вас относительно Марии Капитоновны Семеновы.

Директор откинулся на спинку кресла, и в облике его — представительного пожилого мужчины с крупными чертами лица, морщинистым лбом, зачесанными на косой пробор седыми волосами — произошла на миг какая-то перемена: лицо разгладилось и перестало быть напряженно-озабоченным, в глазах появилось выражение юношеское, если не сказать детское.

— Мария Капитоновна... Ведь вы знаете, это же моя учительница. Когда-то на аспирантских экзаменах она поставила мне двойку... Так

что вас, собственно, интересует?

Ну, каков ее, так сказать, нынешний статус?

Директор выпрямился, и лицо его приобрело прежнее выражение.

— Нынешний статус. Ну, какой нынешний статус? Она на пенсии.

— Просто на пенсии? Не консультант, ничего такого? Директор почувствовал раздражение. Ну, о чем он говорит? Кого может консультировать девяностолетняя почти слепая старуха, которая засыпает, как только с ней перестаешь разговаривать, а иногда и во время разговора.

— Нет, она просто на пенсии. Вы знаете, с консультантами у нас в академии дело обстоит очень сложно. Да, собственно говоря, она к этому и не стремилась. Ей значительно важнее, чтобы за ней сохранили ее рабочее место, возможность сюда приезжать, работать. Все это у нее есть: она по-прежнему сидит в своем кабинете, хотя с помещением у нас очень туго... К ней прикреплена лаборантка... В общем, ей созданы все условия, ведь она один из основателей нашего института, заслуженный деятель науки.

«В конце концов на конференцию можно вообще не пойти, а в академию съездить завтра. Главное - это райком и Николай Васильевич».

— Да, да, я знаю. Я знаю, каким уважением она пользуется. И что же, она действительно каждый день приезжает на работу?

— Да, практически почти каждый день. Ну, за исключением тех случаев, конечно, когда болеет. Но болеет она очень редко, значительно реже, например, чем наша молодежь. И если почему-нибудь задерживается, то обязательно звонит секретарше института,

чего тоже у нас многие не делают... Вот такой человек... Вы знаете, ведь она никогда не уходила в отпуск, на моей памяти по крайней мере этого не было.

— Может быть, ей просто некуда деваться? Ведь она, кажется, совершенно одинокая.

-У нее есть сестра, моложе ее лет на пять... ну, что значит —некуда деваться. Мы могли бы устроить ей какой угодно санаторий. По высшему классу... Да нет, дело не в том.. Просто она любит ходить на работу.

Директор слегка развел руками, показывая, что каждому, мол, свое. Потом он придал лицу комически-задумчивое, выражение и покачал головой, давая понять, что вот ему бы, например, сейчас...

Корреспондент понимающе улыбнулся.

— А —нескромный вопрос — сколько ей лет?

— Марии Капитоновне 89 лет. Кстати говоря, что касается отпуска, то тут есть одна забавная деталь. Хотя она никогда им и не пользовалась, но при составлении графика всегда тщательно продумывала, какой месяц ей лучше взять. Сотрудники рассказывают, что когда она была заведующей, то всегда с ними советовалась, в какое время ей лучше пойти в отпуск, чтобы кто-нибудь из старших оставался на месте и лаборатория не была бы без присмотра. И все к этому очень серьезно относились, хотя в душе прекрасно знали, что это всего лишь игра.

— Понятно... Игорь Петрович, но мне говорили, что она работает сейчас над какой-то модификацией своего метода. Что — это что-то серьезное? Или как?

Директор снова почувствовал некоторое раздражение. Кажется, все объяснил. Ну, чего же еще?

— Модификация метода... Ну, вы понимаете, дело в том, что, к сожалению, последние годы Мария Капитоновна почти ничего не видит. У нее катаракты на обоих глазах.

— А операция?

— В ее возрасте все это несколько сложно. К тому же катаракты еще не вполне созрели... Нет, ну, само собой разумеется, мы сделаем все возможное, уже говорил с директором Института Гельмгольца, ее регулярно наблюдают... Но, конечно, продолжать работу с таким зрением... — Директор сделал паузу, как бы колеблясь, сказать что-то или нет. — Да и не только в этом дело. По правде говоря, в последние десять лет появилось такое количество разных новых современных методов. Ну вот эти флуоресцентные методы, о которых я вам рассказывал... Радиоиммунология внесла, можно сказать, переворот во всю эту проблему. Сейчас буквально все международные журналы забиты статьями о разных способах окраски волокон.

Корреспондент наклонился немного вперед:

— И все-таки, насколько я понимаю, весь мир красит «по Семеновой».

Директор засмеялся.

— Ну я вижу вы вполне овладели нашим жаргоном. Конечно. Это само собой разумеется. «Метод Семеновой» — это классический метод, он дает прекрасную общую картину. Просто надо не забывать, что он был создан полвека назад... Но тем не менее вы совершенно правы: весь мир красит «по Семеновой».

— Так что эта модификация...

Корреспондент поднял ладонь и сделал движение пальцами, показывающее, что он вполне понимает деликатность затронутого вопроса.

— Пока еще о результатах говорить рано. Можете написать, что она работает над совершенствованием метода — это будет вполне соответствовать действительности.

«О результатах говорить рано! Какие могут быть результаты? И тем не менее, как это ни невероятно, кто-то из сотрудников ему говорил... да, да, теперь он ясно вспоминает и даже не «кто-то из сотрудников», а сам профессор Столяров, который в этих вопросах собаку съел, говорил, что посмотрел некоторые препараты и глазам своим не поверил... может быть, это, конечно, просто случайность... надо бы самому вникнуть, подняться в лабораторию, посидеть там часок, просмотреть толком все препараты, ведь если это действительно так... но где взять время? Где взять время? Он уже вторую неделю не может забрать из чистки костюм, хотя ездит на машине мимо этого ателье каждый день по два раза...»

Корреспондент встал.

— Игорь Петрович, огромное вам спасибо за беседу. Я постараюсь точно воспроизвести все, что вы мне рассказали, и, если вы разрешите, займу у вас еще пять минут, чтобы вы взглянули на материал, прежде чем его окончательно отделать.

— Ради бога. Буду рад с вами встретиться.

Корреспондент ушел. Директор посмотрел на часы. Без пяти два. Он не опоздает на конференцию, а в академию конце концов можно

заехать по дороге в райком. Так что все вполне успеваётся... «Да! Звонок Николаю Васильевичу — Господи боже мой, чуть не забыл!»

* * *

Вниз, с пятого этажа на второй, где находился конференц-зал, она всегда спускалась по лестнице одна, не вызывая лифта и не прибегая к чьей-либо помощи. Ей нравилось это медленное нисхождение, каждый поворот второго открывал картину, знакомую в общих чертах, но несколько видоизмененную какими-то новыми деталями. Вот коридор четвертого этажа — здесь когда-то была часть ее лаборатории, стояли шкафы, в них хранился заспиртованный мозг различных животных; потом пожарники потребовали их отсюда переставить; теперь кибернетики притащили сюда какую-то машину, как же она называется?... не Квазимодо, а как-то иначе... ага, Классимат — странное название; а вот большое окно между четвертым и третьим этажами, из него открывается вид на типичный московский дворик... когда-то открывался... если операция пройдет удачно, будет видно, остался ли этот дворик или там понастроили что-то новое... На какое же число назначено следующее посещение глазного врача?... А вот и последний поворот... какую-то тут в конце коридора поставили перегородку?... Ах нет, это не перегородка, это просто открыта дверь кабинета...

Так турист, спускающийся с горы хорошо знакомым маршрутом, невольно отмечает изменения в окружающем ландшафте: вот поднялся туман и скрыл селение, которое обычно видно за этим

поворотом, вот неизвестно зачем вырыли яму... куда-то подевался табун, который здесь всегда пасется... а вот и последний спуск, как хорошо пахивает костерком...

На каждой лестничной площадке она обычно останавливалась и отдыхала. Внешнему наблюдателю казалось, что она не просто останавливается, а на какое-то время застывает, как застывает стрекоза на склоненном над водой стебле, как на нагретом солнцем камне цепенеет ящерица. Смотришь и думаешь: «Да полно, жива ли она? Или дух уже отлетел, и перед нами лишь застывшая его оболочка?» Но нет, какой-то невидимый толчок, и вот задвигалась голова, зашевелились пальцы, рука перехватила перила...

В коридоре, перед дверью конференц-зала стоял Виктор Николаевич, покуривая, как всегда, сигарету в мундштуке, а рядом с ним Леша Сорокин молодой сотрудник, проработавший в институте не более месяца. Леша в деталях рассказывал про вчерашний хоккейный матч, который он смотрел по телевизору, а Виктор Николаевич, к великой своей досаде, почему-то пропустил.

— Так кто, ты говоришь, забросил вторую шайбу? -В этот момент она, преодолев последнюю ступеньку лестничного пролета, выползла на площадку между вторым и третьим этажами и остановилась, отдыхая перед последним участком пути. Леша Сорокин, собиравшийся назвать фамилию игрока, застыл от удивления.

— Мать честная! Это что же такое? — прошептал он.

Виктор Николаевич вынул мундштук изо рта и произнес довольно громко, зная, что на таком расстоянии она не услышит:

— Это не «что же такое», а Мария Капитоновна Семенова.

— Семенова? Это — метод Семеновой — она и есть?

— Она и есть.

— Ничего себе! Я думал, она давно уже померла.

— Так многие думают, а она вот жива и еще нас с тобой переживет.

Леша Сорокин качал головой в неподдельном изумлении.

— Сколько же ей?

— Точно, по-моему, никто не знает, но, кажется, девяносто три.

— Ты знаешь, она выглядит много старше своих лет. Оба захихикали. Леша Сорокин, видя, что она никак на них не реагирует, начал было уже говорить в полный голос, но Виктор Николаевич нахмурился и слегка погрозил пальцем, так что он снова сбавил тон.

— И что же она здесь делает?

Виктор Николаевич пожал плечами.

— Что делает? То же, что и все мы, трудится на благо науки.

Леша Сорокин смотрел на нее замороженно, как смотрит мальчик, впервые приведенный в зоопарк, на неподвижного и задумчиво стоящего перед ним пеликана.

— И часто она сюда приезжает?

— Каждый день. И сидит здесь с утра до конца рабочего дня.

— Врешь!

Виктор Николаевич снова пожал плечами:

— Не хочешь - не верь.

Он усмехнулся, вспомнив что-то занятное.

Я тут как-то на днях к ней захожу. Мне надо было за чем то в аптеку на Плющиху, а она на Зубовской живет. Дай, думаю, благое дело сделаю — подвезу старуху. А было так, наверное, часа четыре

или даже начало пятого. «Мария Капитоновна, — говорю, я в ваши края еду. Может быть, подвезти вас?» А она мне: «Так ведь еще рабочий день не кончился, еще полтора часа осталось.» «Ну, ничего, — говорю, — я думаю, никто не заметит.» А она головой покачала: «Сегодня пятница, может быть проверка.» А сама так на меня лукаво поглядывает: что ж ты, мол, голубчик, и сам нарушаешь, и меня подбиваешь — непонятно, шутит или всерьез... Так я в дураках и остался со своими благими намерениями.

Леша Сорокин приставил указательный палец к виску, покрутил им и вопросительно поднял брови:

— Того, да?

— Да вроде нет. Память у нее, во всяком случае, исключительная. И не на какие-нибудь там события давно минувших дней, а... Недавно, например, звонит мне: «Поздравляю вас», говорит. Я сразу и не сообразил с чем же это? «Ведь вашей Верочке сегодня пять лет исполнилось» А я-то и сам, грешным делом, чуть не забыл. А ты говоришь, того.

— Ну и ну! И как же, интересно, живет такая старуха? -Виктор Николаевич задумался.

— Кто ее знает. Приспособилась, наверное, как-то... Я один раз был у нее дома... Соседка у нее есть, видимо, ей помогает, сестра к ней, кажется, приходит... В комнате вроде все прибрано, чисто более или менее... Угощала меня даже. Коробку какую-то из шкафа вытащила — там всего понемногу: засохшее печенье, конфеты, наверное, столетней давности... Очень беспокоилась, по-моему, что я слишком много возьму.

— Жадная, что ль такая?

— Да нет вроде. Ни в чем другом это не проявляется. Пожалуй даже наоборот...

В это время она зашевелилась: рука двинулась вниз по перилам, нога осторожно, как бы нащупывая под собой почву, опустилась на следующую ступеньку — спуск продолжался.

Войдя в конференц-зал, она прошла в первый ряд, и села на крайнее место, на котором сидела всегда. Почти сразу следом за ней вошел директор, а за ним ученый секретарь и еще несколько сотрудников.

Игорь Петрович подошел к ней и, немного наклонившись, сказал: «Здравствуйте, Мария Капитоновна. Очень хорошо, что вы пришли».

Она протянула костлявую руку с длинными пальцами, которую он слегка потряс. Он не был твердо уверен, что она узнала его, а потому собрался сказать еще что-то. Но в это время глухой, хрипловатый голос произнес: «Здравствуйте, Игорь Петрович, как ваша голова?»

Он вспомнил, что несколько дней назад жаловался ей на мигрень. «Ничего, спасибо, как будто обошлось.» «Ну, слава богу.»

Директор прошел и сел на свое председательское место, рядом с ним сел ученый секретарь, и они о чем-то посоветовались. Потом директор посмотрел в зал, где было довольно мало народу, на часы, снова в зал, недовольно покачал головой. Ученый секретарь встал, оглядел зал, словно пересчитывая присутствующих, сделал знак кому-то, чтобы он кого-то позвал, потом сел, что-то сказал директору, тот снова недовольно покачал головой, как будто опоздание сотрудников на конференцию было не каждый раз повторяющимся событием, а

чем-то необычным, пожал плечами, поднялся и объявил начало конференции.

Докладчик подошел к трибуне.

— Глубокоуважаемый Игорь Петрович, глубокоуважаемые товарищи, целью нашего исследования было...

Она наклонилась немного вперед, чтобы лучше слышать, и... задремала. Самую, впрочем, малость. Она тут же проснулась и услышала, что окраска препаратов производилась методом Семеновой. Потом погас свет. Она снова задремала, и когда вновь открыла глаза, то увидела, что в центре окружавшей ее темной сферы светится какое-то пятно- это показывали слайды. Свет зажегся, и она стала прислушиваться к тому, что говорил докладчик. Тема была ей малопонятна. Это выступал физиолог. Они что-то там делали с электрическими разрядами мозга. Когда она услышала об этом в первый раз, много лет назад, то очень заволновалась, решив, что ток пропускают через мозг животных. Но потом ей объяснили, что это сами нервные клетки излучают электрическую энергию... Ну что же, тогда другое дело. Мозг полон чудес...

Она чувствовала себя комфортно и спокойно. Все было, таким знакомым, таким привычным и в то же время не остановившимся, не застывшим, а движущимся куда-то вместе со всем, что ее окружало: залом со стендами, демонстрирующими мозг разных животных; портретами известных ученых, развешанными по стенам; голосом докладчика, уже не укладывающегося в регламент; Игорем Петровичем, как всегда куда-то спешащим и недовольно поглядывающим на докладчика... сейчас зажжется свет, докладчик

еще немного поговорит при свете, а потом замолчит, начнут задавать вопросы, надо бы что-нибудь спросить, ведь эти электрические токи, наверное, текут по волокнам, только как бы это получше сказать... ею самую, сидящей здесь и принимающей участие в этом движении, в этом потоке, именуемом время, которого всегда мало, всегда не хватает; потоке, двигаясь в котором, не знаешь, куда он тебя несет, но если принимаешь его неизбежность и улавливаешь его ритм, то чувствуешь, что он есть благо.

Она то задремывала, то просыпалась, и эти переходы от сна к бодрствованию совершались легко и естественно, не тревожили, не утомляли ее, были так не похожи на те резкие, беспощадные пробуждения, бесповоротно отбрасывающие короткий, быстро наступавший сон, которым она забывалась дома на своей кровати. Там, в одиночестве, проснувшись среди ночи, она точно знала, что уже не уснет, будет долго лежать ворочаясь с боку на бок, то открывая, то закрывая глаза, поправляя то подушку, то сползающее одеяло, потя, замерзая, прислушиваясь к бою стенных часов того немногого, что связывало ее с квартирой в Староконюшенном переулке, где прошло ее детство; лежать покинутой и сном, и бодрствованием, ощущая немощь тела, угнетенность духа, уподобляясь руинам, в которых, словно призраки, бродят воспоминания: переходят с этажа на этаж, сталкиваются друг с другом, бестолково топчутся в темных коридорах, ожидая момента, когда им будет позволено выйти наружу, раствориться в утреннем крике ворон, шуме машин, в проступающем на сером фоне очертании окна. И тогда, когда часы пробьют семь и надо будет вставать, она

поймет, что сможет сейчас задремать, почувствует приятную слабость, сообразит, что этот мост через Шпрее она переходила не сейчас, что это уже начало дремоты, что можно остаться лежать в кровати и уснуть как следует, потом проснуться и никуда не спешить, потому что спешить уже будет поздно; остаться лежать, не обращая внимания на бой часов, выпав из времени, ко всему безучастная, голодная или сытая — не все ли равно, не чувствуя боли в суставах, не теряя вещей без надежды их снова найти, не мучая себя расчесыванием волос, одеванием, приготовлением завтрака — всей этой бессмысленной, изо дня в день повторяющейся волокитой, не испытывая постоянного головокружения от микроскопа- какой смысл каждый день себя насиловать? Бог с ними, с этими волокнами: не она, так кто-нибудь другой с ними завтра разберется, может быть, уже разобрался: сейчас столько новых методов, столько литературы, разве за всем уследишь, не ты, так кто-нибудь другой, какая разница; остаться лежать, подчиняясь только своей слабости, своему естеству, своему безразличию, своему нежеланию двигаться, своему...

Нет! Это ее не устраивает. Она на это не согласна. Ее метод совсем иной. Метод Семеновою Ее метод состоит в том, чтобы добавить красителя, когда ткань еще не полностью зафиксирована; концентрацию красителя надо подбирать очень точно; все зависит от того, с какой структурой имеешь дело; если немного увеличить время предварительной фиксации... но лаборантка, наверное, забыла это сделать... Забыла? Так надо ей напомнить.

И вот уже ноги спускаются на пол, вот уже рука нащупывает очки, часы... остаться лежать... Да когда же лежать, уже двадцать минут

восьмого, времени уже в обрез. Сегодня ни в коем случае нельзя опоздать. Вчера на собрании специально стоял вопрос о дисциплине в институте. Игорь Петрович был такой сердитый, такой раздраженный — она уже давно его таким не видела... Лаборантке можно и позвонить. В конце концов больной ребенок — это не причина игнорировать работу.

Она идет в ванную, крутит ручки кранов... Почему-то нет горячей воды... Неважно, можно умыться и холодной. В молодости она всегда обтиралась холодной водой. Неприятно, что наверняка прольешь на пол, а нагнуться, чтобы вытереть, нет сил. Придется просить соседку...

Ее метод состоит в том, чтобы выявить направление и ход отдельных волокон, проследить пути, по которым двигаются сигналы от одной клетки к другой. Это очень тонкий метод, его надо все время модифицировать, все время улавливать то состояние мозга, с которым имеешь дело. Движение не должно прекращаться независимо от того, кажется ли оно осмысленным или бессмысленным: так движутся импульсы по нервным волокнам, так движутся планеты — не мы запустили эту машину, не нам ее и останавливать. Да она и не остановится, нужно только успеть собраться... Почему же ни одна спичка не зажигается?.. Успеть одеться, позавтракать, сложить в сумку все вещи, которые могут понадобиться сегодня, проверить, закрыто ли окно, не остался ли включенным газ, закапать в глаза капли, не забыть взять ключи от квартиры, проверить все еще раз — свет, вода, газ, ключи; сидеть около стола одетой с сумкой на коленях, готовой к тому моменту, когда окрик телефонного звонка прогонит

дремоту, в которую она уже начнет погружаться, и резкий женский голос произнесет в трубке: «246-11-53? Такси заказывали? Ждите.»